

Священник Алексей Максимов

РУССКОЕ
МОНАШЕСТВО
И МИССИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	ix
Введение	1
Глава 1. Исторический очерк восточного монашества. Христологическое измерение аскетизма.....	11
1. Зарождение аскетического движения: к истокам славянского монашества	12
2. Монашеские традиции Византии и их рецепция у славянских народов.....	24
3. Миссионерство русского монашества	31
Глава 2. Традиция духовничества в русском монашестве.....	53
1. Исихазм и феномен духовного руководства.....	54
2. Старец Паисий Величковский и исихастское движение в России.....	67
3. Оптиная пустынь как социально- антропологический феномен	91
Глава 3. Богословское и культурное возрождение и старчество Оптиной пустыни.....	113
1. Движение любомудрия и Оптина	116

Содержание

1.1. Переводческая и издательская деятельность.....	116
1.2. И. В. Киреевский и патристический синтез.....	124
2. Великие русские писатели и старцы.....	129
2.1. Н. В. Гоголь: от «религиозного романтизма» к подлинной вере.....	131
2.2. Оптиная и граф Толстой: что там искал великий писатель?.....	140
3. Ф. М. Достоевский: Оптиная пустынь в его жизни и творениях.....	156
3.1. Достоевский в Оптиной.....	156
3.2. Антропологический христоцентризм Достоевского.....	160
3.3. «Братья Карамазовы»: от психологизма к Добротолюбию.....	171
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	183
БИБЛИОГРАФИЯ.....	195
СОКРАЩЕНИЯ.....	217

*Памяти ушедших духовных отцов,
согревавших мою душу*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая монография необычна. Это не история русского монашества и даже не история осуществляемой Русской Православной Церковью миссионерской деятельности, заметными представителями которой преимущественно были монашествующие. В то же самое время это и не филологическое или литературоведческое исследование, как может показаться при первом взгляде на оглавление, в котором фигурируют имена выдающихся русских писателей с мировым именем: Гоголь, Толстой, Достоевский. Это и не философское исследование, претендующее на открытие каких-то новых страниц русской религиозной мысли.

Что же представляет собой эта книга, которую вы держите в своих руках? Как замечает сам автор, она – об «онтологической, или духовно-антропологической, миссии монашества, основанной на концепции исихазма». По моему же глубокому убеждению, эта книга о том, как жизнь в Боге, жизнь во Христе может менять не только саму человеческую личность, но и окружающий ее мир. Эта книга о том, что преимущественно благодаря стремлению миссионера к святости, к очищению своего сердца церковное благовестие может иметь не только успешные статистические данные, но – что самое главное – может обрести свою подлинную реализацию как свидетельство Богообщения, способное «заразить» других светом той любви и радости,

которая наполняет человека-духоносца. Недаром автор избрал русское старчество в качестве основного объекта своих размышлений. В русской православной традиции старца именуют не столько отцом, сколько матерью, духовно рождающей свое чадо. Старец – это тот, кто берет на руки мятущуюся и скорбящую душу, чтобы вдохнуть в нее чуть больше надежды, чуть больше смысла жизни, тот, кто зачастую спасает тонущего в житейском море человека от гибели временной и вечной.

Широко говорить о миссионерском эффекте аскетической жизни пока еще не принято. Несмотря на присущую православному богословию целостность, оно до сих пор порой находится в плену у рационалистических концепций. Это выражается, в том числе, и во фрагментации богословских дискурсов. Поскольку миссиология – наука в русском богословии совсем еще юная, миссия стандартно рассматривается в привычных категориях внешней деятельности. Автор настоящей монографии говорит о другой ее стороне – так называемой *аттрактивной миссии*, миссии привлечения, миссии притяжения, которая основывается не столько на призыве «Идите и научите все народы» (ср. Мф 28:19), сколько на словах Спасителя «Пойдите и увидите» (Ин 1:39). Значит ли это, что он отвергает саму необходимость и важность классического понимания миссии как деятельности? Ничуть. Задача настоящей книги, по слову автора, как раз в том и состоит, чтобы показать неразрывное единство двух измерений одной и той же миссии Церкви: быть свидетелями Света истинного, «Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин 1:9).

Сегодня Русская Православная Церковь, переживающая период возрождения после постигших ее в минувшем столетии испытаний, продолжает возвещать Евангельское послание – как в пределах стран ее канонической ответственности, так и в иных уголках земного шара, где

во множестве находятся ее епархии, приходы и общины. Имея непосредственное отношение к внешней деятельности Московского Патриархата, я глубоко убежден в том, что в деле христианской проповеди много значит не только сила слова, обращенного к тем, кто еще не знает о Христе или не знаком с православной верой, но и, в особенности, личный пример, который христианин самой своей жизнью являет окружающим его людям. За пределами Отечества, где порой так мало сегодня известно о нашей Церкви, на плечи пастырей и мирян ложится великая ответственность – быть свидетелями Господу, быть теми самыми светильниками, чья глубокая вера и добрые дела ярко светят миру и становятся самой красноречивой проповедью о святом Православии.

Автор настоящей монографии – священник Алексей Максимов – хорошо знает о справедливости этих слов, поскольку он совершает служение в Риме, в храме святой великомученицы Екатерины, ставшем родным домом для большой и многонациональной общины Русской Православной Церкви в сердце Италии. В стенах этого храма не только получают духовное окормление сотни прихожан, проживающих в итальянских пределах. Расположенный на одном из семи холмов Вечного города, храм святой Екатерины является тем местом, куда во множестве приходят желающие познакомиться с Православием и русской духовной культурой.

В Екатерининском приходе отца Алексея знают и любят как доброго и чуткого пастыря, искреннего друга и заботливого отца, всесторонне эрудированного человека, а к тому же – талантливому поэту, мастерски владеющему русским языком, что наверняка отметят для себя читатели этой книги.

Мне особенно приятно свидетельствовать, что ревностное исполнение своих священнических обязанностей отец Алексей успешно сочетает с научными изысканиями

Предисловие

ми, плодом которых и стал настоящий фундаментальный труд.

Искренне надеюсь, что эта монография, написанная с нескрываемой любовью к монашеству и обеспокоенностью о более глубоком и христоцентричном понимании церковной миссии, станет не только интересным, но и полезным чтением, равно как и весомым вкладом, способным обогатить современное отечественное богословие новыми герменевтическими перспективами и решениями.

† Антоний,
митрополит Волоколамский,
*Председатель Отдела внешних церковных связей
Московского Патриархата*

«Инок во всем своем облике и во всех делах своих должно быть назидательным образцом для всякого, кто его видит, чтобы, по причине многих его добродетелей, сияющих подобно лучам, и враги истины, смотря на него, даже нехотя признавали, что у христиан есть твердая и непоколебимая надежда спасения, и отовсюду стекались к нему, как к действительному прибежищу, и чтобы оттого рог Церкви возвысился на врагов ее и многие подвиглись бы к соревнованию иноческой добродетели и оставили мир, а инок соделался бы во всем досточестным за доброту жития его... И будет он для святых человек виновником славословия Богу».

Прп. Исаак Сирий

Слово 63: О том, чем охраняется доброта
иноческого жития и о чине славословия Богу

ВВЕДЕНИЕ

«Никто не стал бы христианином, если бы не увидел в лице другого сияние вечной жизни». Это широко распространенное выражение, которое не раз высказывал митрополит Антоний Сурожский, отсылает нас к размышлениям о значении духовной жизни для христианства в целом и христианской миссии в частности. В истории Русской православной церкви большое значение всегда имела апостольская деятельность монахов как прямая, так и косвенная. В книге не ставится цели описания русских православных миссий, несмотря на то что они, несомненно, были весьма успешными. Нам было интересно, прежде всего, проникнуть в самую суть миссионерства восточного монашества, что крайне редко рассматривается в богословско-исторических исследованиях. Весьма часто так называемая «русская духовность», привлекающая исследователей не только на христианском Востоке, но и на Западе¹, представляется преимущественно как аскетическая деятельность, направленная к личному совершенствованию и мало связанная с современностью и с той актуальной реальностью, в которой Церковь призвана не-

¹ Наиболее известным западным исследователем XX века по восточной духовности был, несомненно, кардинал Томаш Шпидлик, который посвятил этому всю свою жизнь. Список его трудов приведен в библиографии в конце книги.

сти Благоую весть «даже до края земли» (Деян 1:8). Автору за годы проживания в самом центре западного христианства неоднократно приходилось слышать замечания, суть которых может быть сведена к двум основным тезисам или вопросам:

Монашество в определенный исторический момент европейского христианства имело огромное значение, но сегодня, когда социальная и антропологическая реальность радикально иная, какую ценность оно может иметь, когда необходимо провозглашать Слово Божье, а не закрываться за монастырскими стенами?

Восточные аскетические практики очень полезны для духовной жизни. Но какая связь между ними и современной миссией и евангелизацией?

Подобные вопросы задают даже люди, далеко не поверхностно знакомые с историей и традицией христианства, задают их священнослужителям, профессорам богословия и самим монашествующим. По нашему глубокому убеждению, эти вопросы указывают на определенный кризис миссионерского сознания, что обусловлено во многом неоднозначностью и вариативностью самого понятия «миссия». Тенденции рассматривать восточное монашество отдельно от истории христианской миссии, по крайней мере, в начале своего существования, часто влияют на научную методологию в исторических исследованиях. Такая оценка высказывается и в отношении западного монашества первого тысячелетия. Подобный подход базируется часто на поверхностном восприятии миссии как деятельности исключительно внешней, имеющей практические цели. Но в последнее время отношение к миссии значительным образом переосмысливается в более онтологическом и богословском ключе. Если миссия представляет собой лишь деятельность, направленную на просвещение нехристианских народов, на освоение новых земель, то монахи миссионерами, в подлинном смысле этого слова, называться не

могут, поскольку они, как правило, не имеют возможности и права покинуть свой монастырь. Речь идет о принципе, выраженном в монашеских обетах, которые даются при постриге. Хотя и восточная, и западная традиции богаты в этом смысле исключениями. Многие монашествующие посвятили себя миссионерской деятельности и в географическом ее смысле. В североевропейском контексте достаточно вспомнить о кельтских или ирландских монахах с их идеалом *peregrinatio pro Dei amore*^{*} и англосаксонских монахах. Поскольку впоследствии к этой теме мы возвращаться не будем, считаем возможным привести здесь некоторые библиографические ссылки для подробного ознакомления с темой монашеских миссий в западной истории первого тысячелетия².

Однако если мы рассматриваем в богословско-духовном аспекте концепцию миссии, которая выражается не

^{*} *Peregrinatio pro Dei amore* (лат. – паломничество ради любви к Богу) или *peregrinatio pro Christo* (лат. – паломничество ради Христа) – было особенной чертой кельтского монашества. Толпы странствующих ирландских монахов в VI-VII вв. бродили по острову и переправлялись на континент, основывая монастыри и проповедуя Евангелие. Здесь и далее * отмечены примечания редактора.

² См., например, *Monaci e missione*, E. Farrugia, I. Gargano, Verucchio: Pazzini Editore, 1999; J. Ryan, *Irish Monasticism: Origins and early Development*, Dublin, 1931; J. H. Newman, *Historical Sketches*. 2 voll. Westminster, 1970; G. S. M. Walker, “St. Columban: Monk or Missionary?”, in *The Mission of the Church and the Propagation of the Faith*, London, 1970, pp. 39-44; *Anglo-Saxon Missionaries in Germany*, C. H. Talbot, New York, 1954; R. McKitterick, *Anglo-Saxon Missionaries in Germany: Personal connections and Local influences*, University of Leicester, 1991; J. Th. Addison, *Medieval Missionary: A Study of the Conversion of Northern Europe ad 500 to 1300*, Whitefish: Kessinger Publishing, LLC, 2003; Th. Schieffer, *Wifrid-Bonifatius und die christliche Grundlegung Europas*, Freiburg, 1954; Id., “La Chiesa nazionale di osservanza romana: L’opera di Willibrord e di Bonifacio”, in *Le chiese nei regni dell’Europa occidentale e i loro rapporti con Roma sino all’800*. 2 voll. Spoleto, 1960, Vol. 1, pp. 73-94; F. Flaskamp, *Die Missionsmethode des hl. Bonifatius*, ZMR, 1925. Bd. 15, S. 18-49, 85-100; L. E. Padberg, *Die missionarische Arbeit des Bonifatius*, NZM, 2004. Bd. 88, S. 123-142; А. Максимов, свящ., *Католическая миссиология: История. Теория. Герменевтика*, М.: ПСТГУ, 2021, с. 20-35.

просто в акте послания, но прежде всего в акте приглашения (Ин 1:39,46)³, монашество в своем христоцентристском измерении становится миссионерской и евангелизаторской силой первого порядка.

В современной западной миссиологии прослеживаются тенденции двойной миссионерской парадигмы: по Матфею и по Иоанну. В матфеевской парадигме, чьим императивом является *πορευθέντες οὖν μαθητεύσατε* («идите и научите» Мф 28:19), миссия традиционно анализируется и описывается в категориях внешних как акт послания и акт оглашения. Интересно отметить, что использование в греческом оригинале данного стиха аориста 2-го лица мн. числа *μαθητεύσατε* в повелительном наклонении означает скорее «сделайте учениками все народы», так этот пассаж и переводится в современных изданиях Евангелия: «make disciples of all the nations» (английский), «fate discepoli tutti i popoli» (итальянский) «faite de toutes les nations des disciples» (французский). В этом смысле синодальный перевод «идите и научите все народы» не передает так однозначно, как язык оригинала, всей глобальности миссионерского императива Евангелия от Матфея в его поистине динамическом измерении. Важно сказать, что вся история западных христианских миссий есть не что иное, как воплощение подобного императива в жизнь.

Основным новозаветным выразителем данной парадигмы является, без сомнения, апостол Павел. Говоря о «миссионерской стратегии» Павла, Д. Бош, к примеру, замечает: «Из книги Деяний можно вынести впечатление, что Павел был почти исключительно странствующим проповедником. Однако, это не так [...] Павел направлял усилия в основном на *Zentrumsmmission*, то есть на миссионерскую работу в определенных стратегических центрах [...] В каждом из

³ Говорит им: пойдите и увидите (Ин 1:39); Но Нафанаил сказал ему: из Назарета может ли быть что доброе? Филипп говорит ему: пойд и посмотри (Ин 1:46).

них он закладывал основы христианского братства с надеждой, что из этих стратегических центров Евангелие дойдет до окружающих их окраин и других городов [...] Кроме того, Павел основывает местные церкви, поддерживая их случайными посещениями, пространными письмами и посылкой соратников»⁴. Описанная стратегия, которую мы можем назвать активной, или практической, станет классической схемой для христианского сознания вплоть до настоящего времени.

Иоанновская концепция миссии, вне сомнения, также содержит в себе динамическое измерение (например, «Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир» (Ин 17:18) или «как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас» Ин 20:21), но им одним не исчерпывается. Миссионерская мощь Иоанна предстает перед нами в «слабости» внешних усилий и действий, поскольку ее «миссионерской территорией» являются сам верующий и христианская община, которые свидетельствуют о свете Христовом. Это аттрактивное измерение миссии, чьим императивом является *ἐρχεσθε καὶ ὄψεσθε* («пойдите и увидите» Ин 1:39). Как замечает М. Менин, в парадигме Иоанна «миссия заключается преимущественно не в географических передвижениях, но концентрирует все внимание учеников на миссионерской фигуре Сына. Если миссия по Павлу поражает нас количеством пройденных апостолом народов километров, миссия по Иоанну оставляет нас безоружными по причине своей простоты и глубины. Великое путешествие, совершенное тем единственным миссионером, который есть Слово Божие, из Божественного мира в мир людей, говорит нам о том, что миссия – это прежде всего *missio Dei* (миссия Бога), которая исходит от Бога к людям, чтобы привести людей к Богу! Поэтому ученики являются миссионерами в той мере, в которой они сыны Божии, и

⁴ Д. Бош, *Преобразования миссионерства: Сдвиги парадигмы в богословии миссионерской деятельности*, СПб.: Библия для всех, 1997, с. 140-142.

если источник их миссии – Бог: “Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал” (Ин 15:16)»⁵.

Говоря о западном монашестве первого тысячелетия, в частности о бенедиктинском, Д. Бош пишет, что «монашеские общины не были миссионерскими *по замыслу* (т. е. созданными для миссионерских целей), но в то же время были пронизаны миссионерским *измерением* [...] При ближайшем рассмотрении жизнь и служение бенедиктинских монастырей были от начала до конца миссионерскими. “Миссионерское измерение” налагало отпечаток на все, что делали монахи»⁶. Также и Г. Казираги подчеркивает, что монашество было главным субъектом евангелизации Европы в течение более семиста лет, от V до XII века, и двигателем западной культуры и цивилизации⁷.

Приведенные выше примеры из западной истории вовсе не означают, что на православном Востоке ситуация радикально отличается. В тысячелетней истории русского христианства культурная и цивилизационная роль монашества представляется также очевидной и неоспоримой. Однако в отечественной богословско-исторической мысли утвердилось восприятие монашеской жизни, прежде всего, как со-

⁵ М. Menin, *Missione*, Bologna, 2010, p. 44. По поводу эволюции концепта «миссия» в западной миссиологии см.: G. Colzani, *Missiologia contemporanea: Il cammino evangelico delle chiese: 1945–2007*, Milano, 2010, pp. 319-394. См. также: M. Marcheselli, “*Avete qualcosa da mangiare?: un pasto, il ristoro, la comunità*”, Bologna, 2006; а также статьи этого же автора по миссии в Евангелии от Иоанна в ежемесячном разделе «Слово и Миссия» периодического издания: *Missione Oggi*, 2010, Vol. 1–6, 8–10, pp. 5-6 (страницы идентичны для всех выпусков).

⁶ Бош, *Преобразования миссионерства*, с. 249, 251.

⁷ Ср.: G. Casiraghi, *Storia e futuro della missione: La purificazione della memoria*, Bologna: EMI, 2001, pp. 49-59. См. также: J. Ratzinger, “L’Europa: I suoi fondamenti spirituali ieri, oggi e domani”, *Nuova Umanità*, 2005, Vol. 1/157, pp. 77-96; Benedetto XVI, “Le origini della teologia occidentale e le radici della cultura europea”, *Insegnamenti di Benedetto XVI*, 2008, Vol. 4/2, Libreria Editrice Vaticana, 2009, pp. 270-280.

зерцательной, далекой от миссионерства. Несмотря на то, что имплицитно в православии монашеская аскеза относится не только к области личного совершенствования, но имеет также и миссионерское измерение как влияние на мир, подлинно богословского осмысления данного феномена в его целостном охвате не существует, равно как и глубокого всестороннего анализа миссионерской природы исихазма как магистрального пути восточнохристианского монашества. Представления о «миссионерской не-актуальности» аскетической жизни распространены в церковных кругах и в самом монашестве. Именно это и побудило автора предпринять данное исследование, в котором хорошо известные и разработанные в академических кругах исторические факты и положения могли бы предстать в новом свете, будучи рассмотрены с радикально иной точки зрения, а именно – с точки зрения миссиологической. Речь не пойдет ни о географических миссиях русских монахов, ни о колонизации огромных новых территорий, основании монастырских анклавов или центров. Мы не предполагаем также подробно говорить о благотворительной, социальной или культурной деятельности русских монастырей, несмотря на всю ее необходимость и ценность. Наше внимание будет сконцентрировано на одном, но основополагающем тезисе: путь монаха к духовному совершенствованию, к обожению, *de facto* имеет миссионерское значение, и только исходя из этого, можно говорить об аутентичной миссии монашества. Следовательно, речь пойдет об онтологической, или духовно-антропологической, миссии монашества, основанной на концепции исихазма.

Сущность исихазма достаточно четко выражена в знаменитом призывании Арсения Великого из *Apophthegmata Patrum*: «Арсений! Бегай от людей, – и спасешься»⁸. В этом

⁸ А также след. стих: «Арсений! Бегай, молчи, пребывая в уединении. Ибо в этом – корни безгрешности» (*Древний Патерик, изложенный по главам*, М., 1899, с. 13 (глава 2: 3-4)).

призвании содержится, если можно так сказать, «краткая программа исихазма», который традиционно рассматривается равнозначной жизни анахорета. Но в таком случае возникает естественный вопрос: как можно говорить о миссионерском значении исихазма, если все его принципы находятся в прямом противоречии с самим пониманием миссии – бегство от мира вместо послания в мир (*идите, научите...*), уединение вместо нахождения в гуще событий и среди других (*все народы...*), молчание вместо слов спасения (*проповедуя Евангелие всей твари*, Мк 16:15)?

Обозначенные «антагонизмы», несомненно, требуют разрешения, для чего и предпринято настоящее исследование как попытка понять суть миссионерского измерения исихазма и онтологической миссии монашества в целом, нашедшего свое высшее выражение в феномене *старчества*, который есть не только одна из сторон или один из аспектов монашеской жизни, пусть и важных, но сама актуализация его сути и целостности. И. М. Концевич, известный исследователь монашеской духовности, писал: «Благодатное старчество есть одно из высочайших достижений духовной жизни Церкви, это ее цвет, это венец духовных подвигов, плод безмолвия и Богосозерцания. Оно органически связано с иноческим внутренним подвигом, имеющим цель достижение безстрастия, а потому и возникает одновременно с монашеством на заре христианства. Но в беге времен старчество процветает местами, достигая апогея своего развития, потом ослабевает, приходит в упадок и даже совсем забывается, чтобы, может быть, снова возродиться, подобно волнообразной кривой, то вздымающейся, то падающей и снова восстающей. Так забыто оно было и в России ко времени Паисия Величковского (XVIII век). Он возродил старчество, которое и стало процветать у нас во многих местах»⁹.

⁹ И. М. Концевич, *Оптина пустынь и ее время*, Jordanville (N.Y.), 1970, с. 9.